

1998

АТЕЛЕЙ
ВОГО
НАК
НАЛА
ВЕТСТВУЕТ
ДЕМИК
ЫШЕВ

ИОНАЛЬНАЯ
ЛИОГРАФИЯ —
ОРИЯ
СПЕКТИВЫ

РОМ-
КЛУБ

АРХИВЫ

РУССКИХ БИБЛИОГРАФОВ XIX ВЕКА

Создание полноценной истории отечественной библиографии невозможно без исследования архивных документов. Поэтому мы будем регулярно публиковать описания архивов, информировать библиографов, книговедов и библиофилов о путеводителях по государственному и личному архивным фондам. Рубрику открывает известный ученый, специалист в области культуры и библиографии Любовь Моисеевна РАВИЧ, автор работ: “Г. Н. Геннадий (1826—1880)”, “Собиратели книг в России”, “Евгений Иванович Якушкин (1826—1905)” и других.

Архивы наших предшественников—библиографов в подавляющей своей части остаются до сих пор не востребованными. Между тем, они представляют собой огромное богатство, наше драгоценное наследие.

Для историков библиографии (и шире — книговедения в целом) интересны три группы архивных документов: письма; записные книжки, дневники и альбомы; неопубликованные труды.

Эпистолярные документы (исключая семейную переписку).

Их можно подразделить на две группы: переписку с широким кругом деятелей культуры (отечественных и зарубежных) и переписку библиографов друг с другом. Если первая дает нам объективную картину участия библиографов в развитии гуманитарных наук и демонстрирует их высокий авторитет среди профессионалов в России и Европе, то вторая зачастую содержит результаты раздумий над судьбами отечественной библиографии, а также практические советы, многие из которых не устарели и по сей день.

Среди библиографов, советами и консультациями которых широко пользовались современники, прежде всего следует назвать Михаила Николаевича Лонгинова (1823—1875). Его громадный архив, принесенный вместе с библиотекой в дар Пушкинскому дому дочерью М. Лонгинова, княгиней А. Козловской, включает письма более ста русских ученых, книжников, издателей, писателей. Можно без преувеличения сказать, что на протяжении долгого времени архив играл роль некоего справочного бюро по вопросам истории русской книжки. К нему обращались со всевозможными вопросами такие специалисты, как П. Бартенева (69 писем), А. Галахов, В. Гаевский, Н. Герберштейн, К. Бестужев-Рюмин, Н. Барсуков, О. Бодянский, Я. Грот (90 писем), И. Калачов, П. Пекарский, С. Соловьев, И. Срезневский, Н. Устрялов, С. Шевырев. Писали ему, естественно, и его братья—книжники: Я. Березин—Ширяев, Г. Геннадий, М. Корф (20 писем), А. Лазаревский, В. Межов, С. Полторацкий, Д. Поленов, М. Семевский, С. Соболевский (209 писем и записок), М. Хмыров. Не говоря уже о письмах

М. Н. Лонгинов (1823–1875)

Н. Некрасова, И. Тургенева, А. Фета, А. К. Толстого — они более или менее известны. К Лонгинову обращались за советом и поддержкой люди, которые и сами считались знатоками русской литературы и общественной мысли,

он всем отвечал с присущей ему обязательностью и подробнейшим образом.

Письма его товарищей по цеху — Г. Геннади, Полторацкого, С. Соболевского, П. Ефремова, если они опубликованы, дадут богатый материал исследователям истории библиографии XIX века.

Так, Г. Геннади предлагал М. Лонгинову совместную работу по репертуару русской книги, при чем “отдавал” ему весь XVIII в. С. Соболевский направил Лонгинову план свода отечественной периодики, считая, что, кроме него, эту работу не выполнит никто. Когда в 1857 г. в Москве начала издаваться газета И. Аксакова “Молва”, Соболевский, постоянно искавший трибуну для библиографических трудов, сразу обратился к М. Лонгинову с предложением: тебе следовало бы помещать в нее постоянный отдел библиографии журналов, начиная с Московских ведомостей 1703 года... Эти статьи составили бы Историю нашей словесности за последние полтора века. Сухое исчисление листов, номеров, содержания и проч[его] мог бы приправить занимательными библиографическими и литературными рассказами, а это ты великий мастер; самое же это сухое исчисление необходимо для основания, а для тебя возможно при средствах, кои предоставляют тебе твоя и Полторацкого библиотеки. С другой стороны обещаю тебе всякую твою такую статью сверить по экземплярам здешней публичной библиотеки в самом скором времени по сообщению мне рукописи. Этаких отдельных монографий в последнее время появилось много; но полезно было бы соединить в одно целое, подвести под одну форму и прибрать к одному и тому же месту” (РО ИРЛИ.

Ф. Лонгинова, № 23513: Письма и записки С. А. Соболевского. 1857 г.).

Библиографам нет нужды объяснять значение этой идеи С. Соболевского (заметим, что он мечтал не о репертуаре книг, а о своде журналов, не без основания считая, что в них-то и заключена российская словесность). “Занимательные рассказы”, которыми он соблазняет коллегу,— это жанр “рассказов о книгах”, одним из первых авторов которых, если не родоначальником, был Лонгинов. Достаточно сказать, что в таком объеме (и качестве) этот план не выполнен до сих пор. Михаил Николаевич даже согласился было со своим старшим товарищем, но “Молва” на 38-м номере была запрещена правительством (за вполне невинную статью “Публика и народ”), — и план отпал сам собою, ведь библиографы и библиофилы еще не имели собственного печатного органа.

Хранящиеся в архиве М. Лонгинова 14 писем Г. Геннади, без сомнения, составляющие часть какой-то несравнимо более обширной коллекции, и в таком виде представляют большой интерес.

Григорий Николаевич одним из первых понял необходимость коллективной работы при создании крупных библиографических трудов, ибо, как он справедливо полагал, времена В. Сопикова (т. е. библиографов-одиночек.— Ред.) миновали безвозвратно. С таким предложением он обратился и к М. Лонгинову: “Хочу Вам сделать предложение, тем более, что все мы жалуемся на Сопикова и все нуждаемся в его словаре. Положимте-ка камень на нем как на создателе рус[ской] библиографии: дополним Сопикова. Вы скажете, что нам, даже двоим, это не по силам. И я то же думаю. Но ведь надо же это сделать, а главное, надо кому-нибудь начать, сделать план, хоть только собрать воедино материалы. Ведь не нужно непременно, чтобы мы одни работали или сделали это; можно и других присоединить к работе” (РО ИРЛИ. Ф. Лонгинова, № 23145: Письмо Г. Н. Геннади от 20 июля 1857 г. Л. 1—1 об.). Сохранился и ответ М. Лонгинова: “Одобрив вполне Ваш план, я был бы в отчаянии, если бы он не совершился, но Вам нужен другой товарищ, а не я; мне остается быть в числе сотрудников, о которых Вы говорите” (РО ИРЛИ. Ф. 357, № 20: Письмо М. Н. Лонгинова от 14 авг. 1857. Л. 1). Он мотивирует свой отказ служебной занятостью (в отличие от очень богатого Г. Геннади, М. Лонгинов всю жизнь должен был служить), но, зная его, можно предположить, что это не вся правда. Участие в рутинной работе его не привлекало: он был книговед-пи-

сатель, если угодно, поэт книговедения, а ему предлагали писать карточки.

Письма Г. Геннади содержат и ценную информацию о библиофильской и библиографической жизни того времени. Он усиленно призывает М. Лонгинова к участию в *“Библиографических записках”* (что тот не преминул сделать), советуется с ним относительно собирания стихотворений К. Рылеева, сообщает о работе над *“Литературой русской библиографии”*.

Но особенно поражают письма П. Ефремова, человека гордого, независимого, нетерпимого, к тому же “герценовца” (т. е. принадлежавшего к совсем иному, чем его корреспондент, кругу). Вот что он пишет 24 сентября 1865 г.: *“Вниманием Вашим я особенно дорожу и ценю его очень высоко. Я давно хотел и должен был сказать Вам это, потому что с первого письма Вашего, еще до личного знакомства, я увидел такого человека, перед которым я был много неправ, много, благодаря злым языкам редакции одного толстого журнала. Мне стыдно вспомнить прошлое, но лучше разом покаяться и снять с совести тяжесть, которая постоянно меня беспокоит (выражение, впрочем, слабое) с тех самых пор, как я Вас узнал и по переписке и потом лично”* (РО ИРЛИ. Ф. Лонгинова, № 23174; Письмо П. А. Ефремова от 24 сент. 1865 г. Л. 1об. — 2).

Надо знать П. Ефремова, чтобы оценить такое признание. Напомню, “Современник” много потрудился, чтобы сделать имя М. Лонгинова одиозным.

Нет возможности перечислить все эпистолярные материалы, которые хранятся в архиве М. Лонгинова. Но особого внимания заслуживают письма М. Михайлова, поэта и публициста, погибшего на каторге, а также сына А. Радищева — Павла Александровича.

Познакомимся более подробно с наследием некоторых известных библиографов.

Сергей Александрович Соболевский (1803—1870), мало и неохотно выступавший в печати, был для своих коллег “генератором идей”. Сам он называл себя “жандармом библиографическим” и “корректором биографико-библиографических дел”. Еще в 40-е гг., до расцвета “библиографизма”, когда молодое поколение (М. Лонгинов, Г. Геннади,

П. Ефремов) еще только готовилось к выходу на библиографическую арену, С. Соболевский в письме к С. Полторацкому от 23 января 1843 г. излагает план составления репертуара русской книги: *“Ты, имеющий денежные средства и охоту заниматься составлением русской библиографии, сделался бы нашим русским Брюне, собрав и пополнив то, что разбросано у Сопикова, Строева и др. Богатое твоё собрание газет и журналов было бы для сего собрания неоцененным сокровищем. <...> Кстати, о Российской библиографии. Её надобно издать непременно illustre, т. е. со многими образцами шрифтов, употреблявшихся в славянских типографиях и с изображением des masques dans le papier (водяных знаков. — Л. Р.)”* (ОР РНБ. Ф. 663).

Письмо С. А. Соболевского от 23 янв. 1847 г. Л. 1—2).

1 июня 1853 г. он пишет: *“Вот тебе проект и пища для твоей деятельности. Брось несбыточные предположения и займись этим. <...> Составь погодную библиографию газет и журналов с 1703 года; вот что я об этом думаю...”* (Там же. Письмо С. А. Соболевского от 1 июня 1853 г. Л. 1). Далее на восьми страницах следует подробнейший план работы, предвосхитивший труд А. Неустроева “Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках XVIII столетия”, вышедший в

свет в 1874 г., т. е. почти 20 лет спустя.

С бумагами С. Соболевского произошла история, едва не кончившаяся трагически. В последние годы жизни он определенно говорил о том, что передаст их М. Лонгинову, а библиотеку некой г-же Львовой. Но умер он без завещания. Предприимчивая дама, увидя, какие сокровища таятся в документах покойного (одни письма Пушкина чего стоили!), не отдала их М. Лонгинову, а пустила в продажу. Аукцион состоялся в Лейпциге; книги ушли за рубеж, но бумаги успел выкупить и возвратить в Россию библиофил граф С. Шереметев. Переписка С. Соболевского была им переплетена в особый том и таким образом сохранена. Его основной архив находится в РГАЛИ (Ф. 450).

Григорий Николаевич Геннади (1826—1880)— человек добродушный и общительный, имевший весьма широкий круг зна-

С. А. Соболевский (1803—1870)

омств, состоял в переписке со многими деятелями книги. В 1906 г. его архив поступил в Императорскую публичную библиотеку: дневники, записные книжки, реестры прочитанных книг, неопубликованные труды и т. п. Было бы естественным увидеть здесь письма к нему разных лиц. Но эта часть архива (ОР РНБ. Ф. 179) не слишком представительна. Значительное количество писем современников к Г. Геннади ныне находится в РГАЛИ (Ф. 149). Здесь хранятся письма С. Соболевского, Я. Грота, П. Бартенева, М. Корфа, В. Ламанского, С. Полторацкого, М. Полуденского, А. Афанасьева — всего 27 лиц. Письма же самого Г. Геннади рассеяны по личным фондам его корреспондентов. Наиболее интересны многочисленные послания Г. Геннади

к С. Полторацкому, с которым он работал над составлением «Справочного словаря о русских писателях и ученых».

Основной фонд Сергея Дмитриевича Полторацкого (1803—1884) находится в РГБ (Ф. 233). Там хранится и его переписка. Любопытны письма к нему известного французского библиографа Керара. Ждут изучения библиографические проекты С. Полторацкого и С. Соболевского. Кроме всего прочего, в личном фонде С. Полторацкого в РНБ хранятся 14 писем П. Чадаева (и еще четыре в московской части фонда), из которых в настоящее время

опубликованы только семь. Прочитать, перевести и опубликовать их — задача историков культуры. Но книговедам тоже не должно оставаться в стороне — ведь это письма, адресованные библиографу!

Громадный архив Евгения Ивановича Якушкина (1826—1905), вместе с бумагами его отца-декабриста, находится в Государственном архиве РФ (Ф. 279). Но если та его часть, которая относится к декабристам, уже введена в научный оборот, то в книговедческом наследии этого ученого есть еще немало «белых пятен». Прежде всего это письма А. Афанасьева (ближайшего друга), П. Ефремова и А. Пыпина. По своей тональности они весьма отличны от посланий таких представителей уходящей в прошлое дворянской фронды, как С. Соболевский, С. Полторацкий, и от таких либералов новейшей формации, как М. Лонгинов и Г. Геннади. Здесь перед нами встает образ разночинца, с

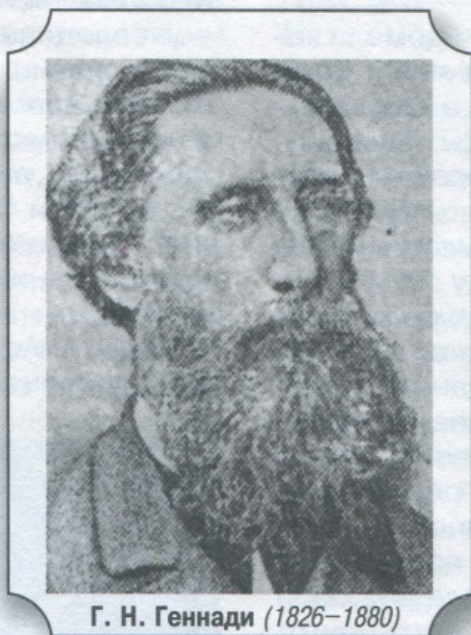
его бесстрашием, грубоватым юмором, бескомпромиссностью.

Письма Петра Александровича Ефремова охватывают огромный период — с 1856 г., с момента переезда Е. Якушкина на жительство в Ярославль, и до его смерти в 1905 г., т. е. 50 лет! Они, как и письма А. Афанасьева, очень доверительны и содержат богатейшую информацию об общественной, культурной и книговедческой жизни.

Но еще интереснее, может быть, кратковременная переписка Е. Якушкина с Александром Николаевичем Пыпиным. Узнав, что последний трудится над составлением указателя этнографической литературы, Е. Якушкин предложил ему для пользования громадный материал, который он собрал для очередного тома своего знаменитого «Обычного права». А. Пыпин, до этого едва знакомый с Е. Якушкиным, был поражен: *«Приношу Вам искреннейшую благодарность за желание помочь моему труду: подобного желанья не встречал я еще ни разу в течение моей уже довольно многолетней работы, т. е. ни разу в такой широкой, дружественной, товарищеской форме»* (ГА РФ. Ф. 279, ед. хр. 628: Письмо А. Н. Пыпина от 30 янв. 1892 г. Л. 5). Но Е. Якушкин не ограничился этой помощью. В следующем письме он излагает свои взгляды на отрас-

левую библиографию, которая, по его мнению, обязательно должна быть аннотированной или — еще лучше — реферативной. *«Библиография должна удовлетворять потребностям времени. Малое распространение у нас книг, невозможность достать многие из них, даже для жителей университетских городов, ставит библиографу трудную задачу — указывать не только заглавия статей, но и подробно их содержание, делать из них извлечения и перепечатывать мелкие статьи. Указание одних заглавий и краткого содержания статей для провинциального читателя похоже на «ключ от брошенной в море шкатулки»* (ОР РНБ. Ф. 621, № 1037: Письмо Е. И. Якушкина от 7 февр. 1892 г. Л. 2).

Далеко не столь благополучно обстоит дело с архивом Петра Александровича Ефремова (1830—1907). Этот фонд разрознен, и даже в

Г. Н. Геннади (1826—1880)

Санкт-Петербурге находится в разных местах (РО ИРЛИ. Ф. 103 и 357; ОР РНБ. Ф. 279), не говоря уже о том, что его фонды есть в РГАЛИ, ГЛМ и других хранилищах. Почему так произошло? Вдова П. Ефремова предложила библиотеку и весь архив (богатейший!) Пушкинскому дому, но у молодого тогда научного учреждения не оказалось средств, и все было продано антикварию Фельтену. Потом, правда, Пушкинский дом выкупил у него часть (меньшую) книжного собрания П. Ефремова, но бумаг не приобрел. Они были куплены разными “охотниками” за автографами, в частности, профессором Шляпкиным, коллекционером Яковлевым и другими, и потом попали в Пушкинский дом и в Государственную публичную библиотеку. Часть же, и немалая, поступила в московские архивы.

Бумаги, осевшие в Пушкинском доме, в количественном отношении весьма представительны, но разрознены. Так, очень интересные письма Е. Якушкина за разные годы, начиная с середины XIX до начала XX в., по всей видимости, представляют собою лишь избранную коллекцию. Сравнение их с письмами Петра Александровича к этому адресату (ГА РФ), в несколько раз превосходящими их по количеству, свидетельствует о том, что эта “единица хранения” в ИРЛИ далека от полноты. Зато здесь имеются 100 писем Якушкина-младшего — Вячеслава Евгеньевича, известного ученого и общественного деятеля, переданных им Академии наук. Послания от многочисленных деятелей науки и культуры, попавшие в архив, еще по-настоящему не изучены, как и вся многогранная деятельность этого неутомимого книговеда.

Значительный интерес представляют письма Александра Николаевича Афанасьева (1826 — 1871), ученого, библиофила, библиографа, редактора, издателя. Но они рассеяны по миру: 20 писем к Г. Геннади находятся в РГАЛИ; письма к Е. Якушкину — в архиве последнего; письма к деятелям культуры — в фондах различных архивохранилищ.

Дневники, записные книжки, альбомы

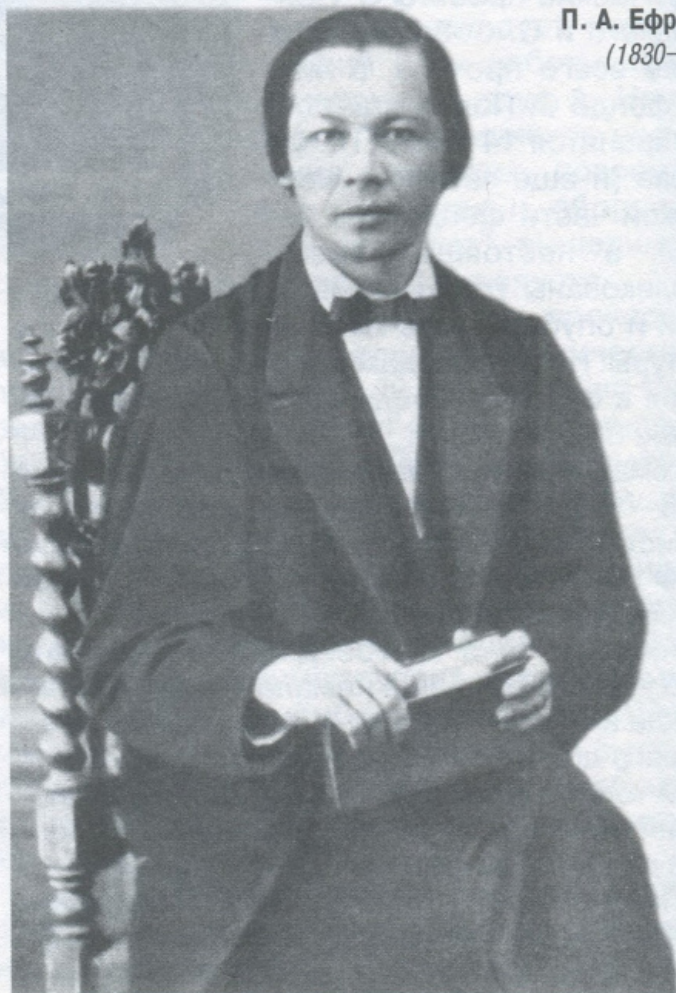
Подобные документы богато представлены в архиве Г. Геннади в Российской национальной библиотеке. Здесь и его “Дневник”, включающий записи за 1855—1869 гг., и записная книжка, озаглавленная “*Tutti frutti*” (“*Всякая всячина*” (1845—1849) — нечто вроде студенческого дневника), и “Заметки на память Григория Геннади (1852—1855)”, и “Прерванные заметки для памяти (1860—1866)”, и несколько “Реестров прочитанных книг”, включающих тысячи описаний. Примечательна такая за-

пись Г. Геннади в “Прерванных заметках для памяти”, рисующая всем известную фигуру “Владимир Измайлович Межов, библиограф мой хороший знакомый, служит в И[мператорской] Пуб[личной] библиотеке, где занимается регистратурой книг, т. е. принимает все входящие в библиотеку книги и разносит их по отделениям. <...> Он составил уже много полных библиографических указателей. Теперь вышел большой том его библиографии крестьянского вопроса, напечатанный Министерством внутренних дел, и за который ему дали 1200 р. награды и выдадут треть суммы, вырученной за продажу книги”.

В записях Г. Геннади мы встречаемся с его библиографическими планами и проектами, намеченными еще в студенческие годы и почти полностью выполненными.

Исследователи русской общественной мысли давно заинтересовались дневником и так называемыми тетрадями А. Афанасьева. Большое внимание он уделял собиранию исторических документов, как, впрочем, и другие деятели “библиографического направления”. Только он был смелее (и неосторожнее) многих. Занимая ответственную должность в московском архиве Министерства иностранных дел, А. Афанасьев копировал для себя такие документы, которые не подлежали огла-

П. А. Ефремов
(1830—1907)

шению (например, о тайне смерти Петра III). Он был уличен, за это уволен со службы с "волчьим" билетом, сильно бедствовал, был вынужден продать свою превосходную библиотеку, но сохранился его архив. После смерти А. Афанасьева значительная часть архива перешла к Е. Якушкину и ныне хранится в составе бумаг последнего в ГА РФ. Отсутствие отдельного описания делает в какой-то мере этот архив "невидимкой".

Исследователям известны две тетради А. Афанасьева. Первая озаглавлена "Дневник. Отрывки из моей памяти и переписки". Тетрадь эту видел А. Грузинский, дважды переиздававший "Народные русские сказки" А. Афанасьева (по-видимому, он получил ее от Е. Якушкина). Евгений Иванович даже пытался издать "Дневник", о чем сообщал в сентябре 1875 г. П. Ефремову: "В настоящее время я занят приведением в порядок бумаг Афанасьева и приготовлением к печати его записок, которые, к сожалению, придется печатать с большими пропусками. Экой был милый человек" (РО ИРЛИ. Ф. 103, оп. 1, № 2485: Письмо Е. И. Якушкина от 14 сент. 1875 г. Л. 2). Но и с большими купюрами "Дневник" оказался неприемлемым для цензуры. Значительно позднее, уже П. Ефремову, удалось опубликовать рассказ о студенческих годах А. Афанасьева, извлеченный из этих записок (Русская старина. 1886. Т. 51). Уже в наше время была напечатана статья С. Лазутина, посвященная "Дневнику" А. Афанасьева (Подъем. Воронеж, 1973. № 4), но это ни в коей мере не исключает необходимости его полноценного издания. Вторая тетрадь А. Афанасьева непостижимым образом попала в ЦГАДА. В ней — также в основном документы "противоцензурного" характера (например, бумаги декабриста М. Фонвизина, полученные А. Афанасьевым от его жены Натальи Дмитриевны).

Записная и настольная книги М. Лонгинова (ИРЛИ) представляют собой разрозненные записи различной тематики. На первой ее странице записано: "На днях мы дали себе с М. А. Максимовичем взаимное слово: завести по особой тетради и записывать в нее с нового года, по возможности ежедневно, какие-либо известия, касающиеся до истории нашей литературы или до жизни кого-нибудь из наших писателей, с тем, чтобы эти известия были не напечатанные у нас". Это — 1849 г., Лонгинову 26 лет, он только начинает исследовательскую работу. Далее первые страницы книги заполнены в основном наивными анекдотами, касающимися Пушкина, которого

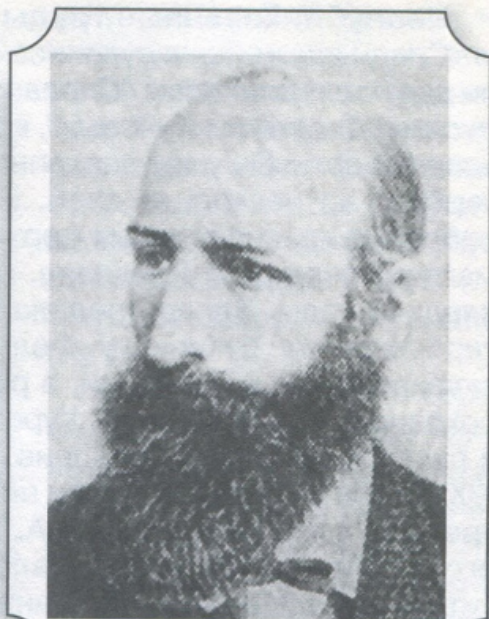
Лонгинов обожал и которым впоследствии много и плодотворно занимался. Вот некоторые из них: "Пушкин так наказывал своих сыновей за шалости: он ставил их в угол и говорил: "Ты будешь Греч, а ты — Булгарин".

Дети начинали реветь, считая это самым жестоким наказанием"; "Пушкин ставил дружеские связи выше литературных и даже в литературу переносил пристрастия к хорошему человеку, хотя бы он был плохой автор. Он говорил: "Дружбу создал Бог, а литературу — мы". Но затем в тетради следуют и более серьезные материалы: история со стихотворением Н. Языкова "К ненашим" — ответ ему Аксакова и Каролины Павловой, эпиграммы А. Писарева, М. Дмитриева, материалы о деятельности Общества любителей Российской словесности при Московском университете и др.

Большой интерес представляют дневниковые записи С. Полторацкого (ОР РГБ. Ф. 233). Проживший долгую жизнь, имевший дар наблюдения и хорошо владевший словом, автор дает яркие характеристики многим современникам, в том числе, конечно, и библиографам. Этот материал в значительной мере использован в диссертации В. Крамер о С. Полторацком (Л., 1975).

В ИРЛИ хранятся так называемые Альбомы С. Соболевского, раскрывающие как его биографию, так и характеризующие эпоху. Они широко использованы В. Куниным в его книге "Библиофилы пушкинской поры" (М., 1979).

Пушкинистам хорошо известны тетради Е. Якушкина и М. Лонгинова, посвященные, в основном, произведениям поэта, "неудобным" в цензурном отношении, использованные для академических изданий сочинений Пушкина. "Тетрадь" М. Лонгинова хранится в архиве С. Полторацкого в Российской национальной библиотеке и снабжена многочисленными пометками последнего.

А. Н. Афанасьев (1826–1871)

Неопубликованные труды

Среди важнейших рукописей Г. Геннади были два последних тома *“Справочного словаря о русских писателях и ученых”*, которые автор не успел издать. Он умер внезапно, приехав в Петербург на несколько дней. Его библиотека, собрание гравированных портретов и все бумаги оставались в Дрездене, где он жил в последние годы. Вдова продала библиотеку петербургскому букинисту Фельтену, случайно оказавшемуся в Германии, а рукописи взял на сохранение ее брат, князь Куракин, служивший в русской миссии в Дрездене. В самом конце XIX в. (или в начале XX в.) он передал рукопись третьего тома библиографу А. Титову, который его и издал. Титов намеревался также выпустить и четвертый том, обещанный ему Куракиным, но смерть помешала осуществлению этого замысла. Затем весь большой архив Г. Геннади попал к библиографу Н. Собко, который в свое время был помощником Г. Геннади по работе со *“Словарем”* — и уже от него архив в 1906 г. поступил в рукописный отдел Императорской Публичной библиотеки, где только в 50-е гг. был разобран и описан. Публичная библиотека намеревалась издать и четвертый том словаря, но этого не произошло. Между тем, было бы полезно переиздание всех четырех томов: в них можно найти сведения о личностях, которые больше нигде не были представлены. Г. Геннади вкладывал очень широкий смысл в определение *“писатель”*, имея в виду и библиографов, и биофилов, и деятелей культуры, и виднейших меценатов, если только о них имелась литература.

В рукописном отделе РНБ хранятся еще два неопубликованных труда Г. Геннади: *“Сборники ученых статей. Библиография”* и *“Библиография русских альманахов и литературных сборников. Составил Григорий Геннади (по экземплярам своей библиотеки)”*. Первый представляет собой аннотированный указатель 24 сборников различного содержания, вышедших в 1845—1860 гг. В нем можно найти описания различных *“Трудов”* и *“Записок”* ученых обществ, краеведческих сборников и т. п., а также подробную аналитическую роспись *“Исторических сборников”*, изданных Вольной русской типографией.

Вторая работа содержит перечень русских альманахов, вышедших в 1796—1867 гг., — 122 названия, подробно аннотированные, раскрывающие не только содержание, но и историю издания альманахов. Кроме столичных, отражены и провинциальные издания. Все они расписаны по статьям. Возможно, опубликованию этого труда Геннади воспрепятствовало

значительное количество *“неудобных”* в цензурном отношении изданий — декабристских, герценовских и т. п.

С. Полторацкий в течение 60 лет собирал материал для библиографического словаря русских писателей и ученых. Десятки *“картонов”* с подготовительными материалами хранятся в рукописных отделах РГБ и РНБ. Большую ценность словарю придает то, что его составитель широко пользовался, как сегодня говорят, *“анкетным методом”*, т. е. старался получить сведения о современниках от них же самих. В подавляющей своей части труд остался в архивах — С. Полторацкого очень трудно было уговорить напечатать хотя бы фрагменты. Говорить о ценности собранных материалов не приходится — не раз их использовали ученые и библиографы (в частности, И. Масанов при работе над *“Словарем псевдонимов”*), будут пользоваться ими и впредь.

Цикл неопубликованных библиографических указателей оставил Николай Павлович Дуров, профессор Института путей сообщения, биофил и библиограф. Поскольку ни один из составленных им указателей не вышел в свет, имя его не фигурирует в истории русской библиографии. Тематику его библиографических работ (сохранившихся в виде картонок) можно охарактеризовать как *“отечественное ведение”*. Картотеки Н. Дурова находятся в личном фонде Н. Собко. Это:

“Книги о России по различным вопросам (XVIII—XIX вв.)”, “Биографии русских людей, лиц, писавших о России и вообще упоминаемых в русской истории”, “Мемуары русских людей: записки, дневники, воспоминания”.

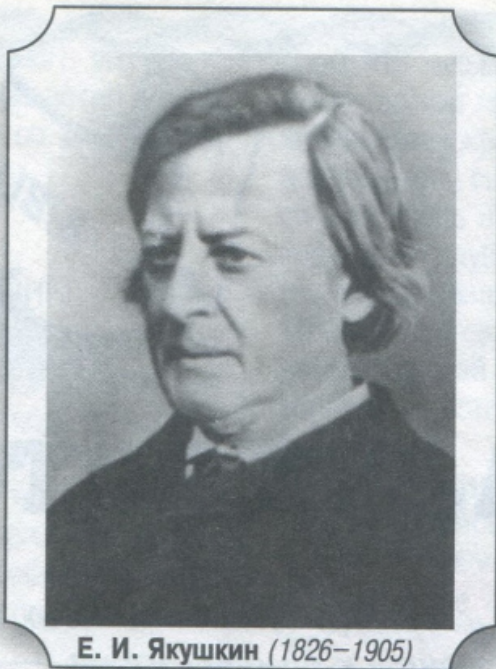
Все они составлены по фондам личной библиотеки Н. Дурова. Там же находится указатель Н. Дурова *“Русские периодические сочинения (XVIII—XIX вв.)”*, подготовленный к печати Н. Собко, но так и не опубликованный. Несколько картонок Николая Павловича посвящены древней истории России. Но основное богатство, оставленное им, — отраслевые указатели, посвященные торговле и промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, медицине и гигиене, географии и этнографии, путешествиям, театру и т. п. Всего в личных фондах имеется 10 библиографических пособий, составленных этим знатоком русской книги.

И в заключение — о двух личных фондах, которые до сих пор не были еще объектом изучения. Это бумаги библиограф

Михаила Петровича Полуденского и библиофила Виктора Ивановича Касаткина который в 1861 г. редактировал журнал "Библиографические записки" и, будучи политическим эмигрантом, одно время сотрудничал с А. Герценом, был связан с зарубежными издателями.

Оба эти фонда находятся в ГПИБ России, а письма этих деятелей хранятся в архивах лиц, которым они адресованы. Так, письма В. Касаткина, касающиеся "Библиографических записок", находятся в фонде В. Гаевского (РНБ), а послания его к П. Ефремову — среди бумаг последнего в ИРЛИ; 20 писем М. Полуденского хранятся в РГАЛИ.

Библиотеку и бумаги В. Касаткина купил у его вдовы князь А. Барятинский, чье собственное громадное собрание (вместе с книгами и

Е. И. Якушкин (1826–1905)

документами В. Касаткина, не имеющими отдельного описания), поступило в Чертковскую библиотеку. Скупая информация о его библиотеке есть лишь в статье Е. Благовещенской и С. Димант, опубликованной еще в 1939 г. в "Историческом журнале" (№ 7).

М. Полуденский перед смертью передал свои личные бумаги в Исторический музей. Некоторые сведения о них можно почерпнуть из "Путеводителя по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного исторического

музея", выпущенного в 1967 г. Но они, разумеется, не заменят исследования самих фондов библиографов. Широкое обращение к ним — залог успешного изучения отечественной библиографии.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

О ЧЕМ ГОВОРИТ ЗНАК?

Издательская марка Эльзевиров (пустынный)

Сигнет Иодока Бадия
Асцензия

Сигнет Кристофа Плантена
Антверпен, 1566